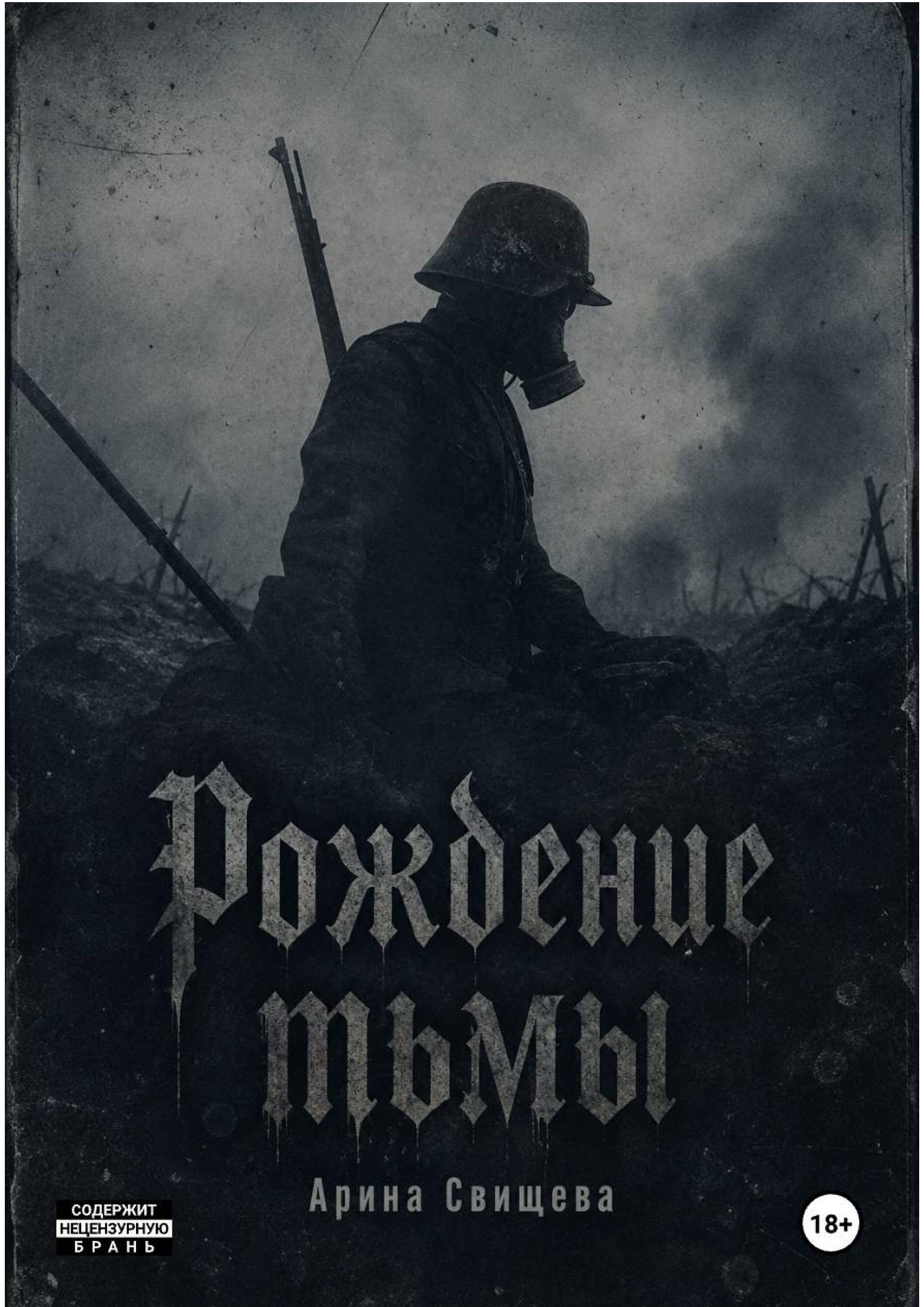

Рождение тьмы

Арина Свищева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арина Свищева

Рождение тьмы

«Автор»

2026

Свищева А.

Рождение тьмы / А. Свищева — «Автор», 2026

Они шли на фронт героями, а вернулись — даже не людьми. Вальтер мечтал о славе и верил, что ангелы заберут его, если он умрет с честью. Эраст хотел лишь одного — выжить и вернуться к невесте. Война не спрашивает, чего ты хочешь. Она ломает, отнимает ноги, заливает легкие газом и заставляет жрать то, что вчера было твоим товарищем. Когда снаряд разрывает Вальтера пополам, а в барабане револьвера остается последняя пуля, Эраст делает выбор. Потому что друг просит. Потому что кишки на земле — это не повод для надежды. Но смерть — это не конец. Это река, лодка и разговор с самим собой, которого ты боялся всю жизнь. Война заканчивается не тогда, когда смолкают выстрелы. А когда ты смотришь в глаза тому, кем стал.

© Свищева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

— Вальтер -	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Арина Свищева

Рождение тьмы

— Вальтер —

Я вдыхал ужасный смрад, забивающий нос. Вдалеке гремели цепи, которые казались мне звоном колоколов кафедральных соборов, какие я слышал при жизни. Вспомнил о том, как в последний раз видел вспышку света, ударившую во взгляд. Вспомнил и свист пули, врезавшуюся мне в глаз. Это ведь был мой товарищ, Эраст. Помню, как дуло его пистолета смотрело мне в лицо. Помню, как по его лицу в копоты катились слезы, как он хныкал, утирал свой разбитый нос, но нажал на курок. То давление, ощущение расплывшегося, запавшего от бессонницы глаза. И тьма.

Я вдыхал ужасный смрад, забивающий нос. Вдалеке гремели цепи, которые казались мне звоном колоколов кафедральных соборов, какие я слышал при жизни. Вспомнил о том, как в последний раз видел вспышку света, ударившую во взгляд. Вспомнил и свист пули, врезавшуюся мне в глаз. Это ведь был мой товарищ, Эраст. Помню, как дуло его пистолета смотрело мне в лицо. Помню, как по его лицу в копоты катились слезы, как он хныкал, утирал свой разбитый нос, но нажал на курок. То давление, ощущение расплывшегося, запавшего от бессонницы глаза. И тьма.

Я приложил руку к глазнице, нащупал пальцами пустоту, которую не могли скрыть обгоревшие веки. Ветер дул мне прямо в лицо, мне показалось, что он хочет меня оставить здесь. В темноте, в одиночестве. Это очень похоже на тот окоп, где я был. Сырость, писк крысы и пронизывающий холодный ветер, от которого не мог согреть огонь.

Не помню, сколько я уже тут стою, на берегу какой-то реки. Ее темная вода, похожая на керосин, спокойно плещется внизу, успокаивая своими вязкими переливами мой измученный мозг. Даже в этой темноте помимо звона далеких цепей мне кажется, что вдалеке грохочут канонады артиллерийских орудий. Почему я стою? У меня же не было ног. Помню, как лежал в вязкой, вонючей грязи, глядел, как из нижней моей половины вываливаются кишки. Помню, как пытался судорожными руками запихать их в себя. А сейчас у меня есть ноги. Не знаю, чудо это или смерть.

Эраст тогда увидел меня без ног, когда в наш окоп прилетел снаряд. Я помню его испуганный визг, побледневшее лицо. Помню, как его вырвало желчью и кровью рядом с останками моего тела, которое пыталось на последней издыхании справиться со смертью. Он тогда кинулся ко мне, взял мое лицо в руки, рыдал, чтобы я не орал так громко, что нас услышат. А орал я тогда, что перед глазами все плыло, переливалось белыми и красными пятнами, прямо как кровь, вытекающая из моих вен и артерий.

Его пистолет, который трясся у Эраста в руках. Кажется... кажется, я сам попросил его застрелить меня. Не помню, что меня тогда толкнуло на это. Я хотел жить, но, видимо, понял, что выпавшие кишки и отсутствие всего ниже — это плохой аргумент для выживания. Где-то вдалеке были мои сослуживцы в унисон с тем ветром, омывающим наши обугленные, замерзшие тела. Я сказал Эрасту тогда, что я уже не жилец и не хочу ждать смерти, пусть он пристрелит меня сам. Он истерил тогда, что не будет, что я его друг и он не будет в меня стрелять.

— Да пристрели ты меня уже, ублюдок! — заорал я в ответ, глядя прямо в его покрасневшие голубые глаза, которые еще в начале войны были ясными и добрыми. У меня почти не было сил, кровь покидала меня вместе с жизнью. Мне казалось, что моя душа впитается в землю прямо как моя кровь. — Видишь же, у меня кишки наружу. Идиот! Стреляй! Я не выживу! Стреляй, я тебе говорю!

И он нажал на курок.

А где я сейчас? Я не знаю. Мне всегда казалось, что после смерти ничего нет. Мама заверяла, что с фронта меня заберут ангелы. Почему они не пришли? Разве я был плохим человеком? Хотя...я даже не молился, когда увидел пистолет, направленный мне в голову. Я даже не плакал. Слезы высохли на том ветру или просто примерзли к моему лицу. Я, наверняка, уже тогда был мертв, а все мои попытки были лишь предсмертными конвульсиями.

Мама показывала мне иконы в детстве, помню архангела Михаила. Она говорила, что он покровитель воинов. Я всегда хотел быть воином и защищать свою страну. Его грозный лик, его копье, ногу, попирающую Змея. Помню, молился перед фронтом, просил благословения и спасения от смерти, чтобы шальная пуля прошла мимо.

Разве я сделал тогда недостаточно? Разве я заслужил? Да, я убивал. Да, я насиловал и грабил. Но я хотел жить! Жить! Мне дали приказ! Я не виновен! Это они виноваты во всем! Они виноваты! Я помню ту деревушку, куда мы пришли. Местные тогда уже забили весь скот и пожгли посевы. Голод тогда скручивал желудок, я тогда уже грыз собственный ремень, чтобы не забыть, как вообще жевать. Та баланда с походной кухни была из тех крыс, которых мы ловили. А там, там тоже был голод. Но эти люди. Они смотрели на нас как на зверей.

Помню, как мы ворвались в какой-то домик. Там была женщина, прижимавшая младенца к груди. Не знаю, что меня тогда нашло, когда я увидел женское тело. Я набросился на нее, ребенок упал на пол и завыл. Мне было плевать. Я ударил ее, орал, что она оставила нас голодать. Она кричала, плакала и пыталась ударить меня в ответ, но даже голодным я был сильнее. Я заломил ей тогда руки и уложил на пол, задрал ее руки и вошел в нее. Помню, как вколачивался в ее измученное тело, держал ее за бедра. Мне было хорошо, она была теплой, не такой, как леса и окопы, где я провел последние месяцы. Кто-то подобрал ребенка. Вроде кто-то пристрелил и предложил приготовить, потому что есть хотелось сильнее, чем задумываться о том, что вы вообще творили.

По ее ногам тогда текла кровь, она уже была без сознания, лишь всхлипывала изредка или задыхалась, я не могу припомнить. Мне было плевать на то, что хотела. Товарищи подгоняли меня, потому что тоже хотели женского тела. Но я был первым. И кажется, тогда был доволен. Кончив, я вышел из нее и отошёл, позволяя другим насладиться. Меня больше беспокоил голод.

Я тогда развел печь том доме, глядел на танцующие внутри пламя, грел обмороженные руки. Слышал тихие постанывания товарищей, кто удовлетворялся с женщиной. Может взять ее с собой, как походную жену? Я никогда не был женат, не успел. Я мечтал, что вернусь с фронта и найду себе в своей деревне красавицу-жену, у нас будет трое детей, свой огород и скотина, птицы. Мама всегда хотела, чтобы я был счастлив. А был ли я счастлив? Да, был. Кажется... я не помню.

А где моя мама сейчас? Ей уже сказали, что меня больше нет? Не хочу, чтобы она видела мое тело... Надеюсь, Эраст закопал меня и забыл, где оставил. А сейчас нет ни мамы, ни Эраста, ни того ветра, ни гула снарядов. Я один. Снова. Я всегда был один, даже в том проклятом окопе.

Сделал шаг, пошел вдоль берега реки, оглядывая высокие, покрытые темнотой своды. Не могу видеть, где они заканчиваются. Я крикнул, эхо не разошлось, стены поглотили мой голос. Я как под водой, хотя вновь могу дышать. И думать тоже могу. Не помню, когда в последний раз позволял себе просто думать о чем-то кроме голода и страха перед смертью.

Мне нравилось рисовать в детстве, мама часто водила меня на парады. Я часто видел солдат, наш сосед был военным. Я бегал к нему через забор и просил показать форму, дать мне ее примерить. Мечтал о такой же. У него были ордена, медали, они так красиво блестели на солнце и звенели, если их потрясти. Я много рисовал себя в форме, представлял, какие

ордена будут у меня. Мама говорила, что у меня талант, что не надо мне на фронт, лучше бы в академию художеств пошел. Но как я мог тогда оставить свою мечту о славе?

Тогда я не знал войны и думал, что вернусь домой героем. Все в нашей деревне почитали того солдата, хотя были и те, кто шептались, что ни хрена он не воевал, а просто в тылу с бумажками отсиделся, вот и выслужился. Я не верил тогда. Сейчас же я думаю и о том, что лучше бы пошел учиться на художника.

На моих ногах нет обуви, камень холодит ступни, которые кажутся мне слишком чувствительными для конечностей, которых у меня не было в момент смерти. Я подошел к стене, провел по ней пальцами, меня передернуло от того могильного мороза, который пробежался по моей коже и отозвался где-то в позвоночнике.

Удивительно, но здесь я начинаю чувствовать себя спокойнее, тут тихо, нет выстрелов, нет криков и боли. Я втянул носом воздух, пахнет лишь каким-то пеплом, который напомнил мне пламя в той печи. Время смешалось, воспоминания скачут как необъезженные лошади у меня в голове. Помню я и как познакомился с Эрастом. Он был из города, красивый, младше меня всего на полгода. Его отец был полковником в отставке и посчитал, что самый младший из сыновей обязан пойти на фронт и защищать их фамилию. Я завидовал ему тогда, что у него был отец. У него всегда было самое чистое обмундирование и даже какой-то трофейный пистолет, подаренный ему отцом.

Эраст был хорошим другом, мы были в одном взводе, нас перебрасывали вместе с одного направления на другое. Не помню, в какой момент он начал становится черствым и слегка поехавшим на голову. Или я сам был таким? Помню, как он показывал миниатюру своей невесты, которая ждала его с фронта. Ее звали... не помню как, Мими вроде или Сиси. Не важно. Красивая она была, зараза! Эраст всегда светлел, когда смотрел на кулон с ее миниатюрой. Я ему завидовал, но он был моим другом, боевым товарищем. Мы делили еду вместе.

И он разделил со мной самое страшное — мою смерть. Я забрал его последний патрон в свою глазницу. Это, наверное, смешно. У меня нет сил смеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.